

М. Ю. ЛЕРМОНТОВЪ.

1814 — 1841.

Лермонтовъ, убитый на 27-мъ году жизни, началъ печатать свои произведенія въ 1837 г., такъ что вся литературная дѣятельность его, насколько она проявилась въ печати, ограничивается менѣе нежели четырьмя годами. До 1837 г. появилось въ журналахъ двѣ его поэмы, но онѣ были сообщены редакціямъ помимо воли самого поэта, хотя писать началъ онъ почти ребенкомъ и первые, сохранившіеся опыты его относятся къ 1828 г., т. е. къ 14-лѣтнему его возрасту. Эти дѣтскіе и юношескіе наброски представляютъ цѣлую массу тетрадокъ, изъ которыхъ бѣольшая часть принадлежитъ къ 1830 и 1831 годамъ. Вѣроятно, Лермонтовъ современемъ уничтожилъ бы ихъ и ничто изъ нихъ не появилось бы въ печати; но преждевременная смерть поэта заставила обратить вниманіе на эти тетрадки тѣхъ лицъ, которые ими владѣли и почти тотчасъ послѣ кончины его начали печататься его дѣтскіе стихи, притомъ безъ всякаго означенія времени, въ которое они были написаны. Издатели сочиненій Лермонтова внесли ихъ безъ всякаго же порядка въ собранія его произведеній, отчего образовалась самая неприглядная смѣсь, ибо на ряду съ превосходнымъ, вполне отдѣланнымъ стихотвореніемъ являлся и дѣтскій лепетъ ребенка. Дудышкинъ, вполне сознавая, что юношескія произведенія поэта вредятъ полнотѣ впечатлѣнія законченныхъ его твореній, но представляютъ вмѣстѣ съ тѣмъ драгоцѣнный матеріалъ для характеристики развитія его поэтической дѣятельности, отдѣлилъ ихъ въ особый томъ и пополнилъ еще многими, до того времени не напечатанными. Къ несчастью онъ слишкомъ прихотливо обошелся съ имѣвшимся у него матеріаломъ, ибо, напр., изъ стихотворенія почти въ 60 строкъ онъ бралъ 21-ю и 22-ю, потомъ 25—30-ю и печаталъ, не означая, что это отрывокъ и даже не указывая, что между 2 и 3 стихами сдѣлалъ пропускъ и такимъ образомъ давалъ, собственно говоря, свое стихотвореніе, составленное изъ стиховъ Лер-

монтова (напр. Письмо). Иногда онъ вычеркивалъ стиха 2—3 въ срединѣ стихотворенія, также не означая пропуска, отчего являлись, напр., рима „жестокій“ и „несчастной“. Иногда онъ останавливалъ печатанье на запятой, откидывая почти половину стихотворенія, не лучшую, но и не худшую противъ напечатанной половины (напр. Грузинская пѣсня). Иногда изъ поэмы въ 3 частяхъ и въ 400—500 строкъ онъ составлялъ одно цѣлое, стиховъ въ 50, вырывая стихи изъ всѣхъ 3 частей и не ведѣ обозначая точками пропуски, такъ что стихи, раздѣленные между собой цѣлою сотнею другихъ, печатались рядомъ, какъ непосредственно слѣдующіе другъ за другомъ (напр. Корсаръ). Наконецъ были напечатаны такіа пьесы, гдѣ Лермонтовскаго не было почти ни строки, напр. „опера Цыгани“, набросокъ состоящій изъ выписокъ изъ „Московского Вѣстника“ и изъ Пушкина и видимо составлявшійся съ какою-то постороннею цѣлью, напр. для игры въ домашнемъ спектаклѣ. Изъ многочисленныхъ переводовъ Лермонтова изъ Шиллера Дудышкинъ не помѣстилъ ни одного, какъ будто Лермонтовъ вовсе не обращалъ вниманія на Шиллера и началъ прямо съ Байрона. Выборъ дѣтскихъ стиховъ для печати оказывается также очень прихотливымъ, потому что, имѣя возможность ознакомиться съ подлинными тетрадами поэта, мы замѣтили, что обыкновенно взято сразу нѣсколько стихотвореній, потому что пропущены цѣлыя тетрадки безъ выписокъ и опять бралась сразу-же группа стихотвореній, несмотря на то, что въ пропущенныхъ случались такіа, въ которыхъ хотя и неясно, но-все таки слышался мотивъ, преобладавшій въ стихотвореніяхъ позднѣйшей эпохи развитія поэта, а выписывались напр. подобныя вещи: „Недаромъ она недаромъ съ отставнымъ гусаромъ“ (и все!).

Изъ названныхъ нами тетрадей поэта выписываемъ нѣсколько стихотвореній, единственно какъ матерьялъ для характеристики развитія его поэтической дѣятельности. Первые два стрижка взяты нами изъ тетради лекцій по „Географіи“ въ юнкерской школѣ, слѣдующія три изъ юнкерскихъ-же тетрадокъ 1832—34 года, хранящихся въ Публичной Библіотекѣ, а остальные изъ рукописей 1830—1831 гг. Письма къ теткѣ и великому князю Михаилу Павловичу взяты нами также изъ рукописей, принадлежащихъ Публичной Библіотекѣ*).

П. А. Ефремовъ.

*) Два стихотворенія, изъ числа выписанныхъ П. А. Ефремовымъ для теперешней замѣтки, помѣщены въ «Русской Старинѣ», 1872 г. т. V, стр. 84; но, въ сожалѣнію, въ нихъ вкралась опечатка. Въ «Жалобѣ турка» (1829 г.) надо читать 8-й стихъ: «и рано гаснетъ....», а въ «Неарѣ» (1830 г.) 3-й стихъ: «Себя-ли украсишь ты розой» и 16-й: «Чужда ты веселью душой». Ред.

Стихотворенія и черновые наброски изъ подлинныхъ тетрадей

М. Ю. Лермантова.

I.

(Отрывокъ).

1.

Его отецъ *) богатый былъ маркизь,
 Но жертвой сталъ народнаго волненья:
 На фоваръ однажды онъ повисъ,
 Какъ было въ модѣ, вмѣсто украшенья.
 Приятель нашъ — парижскій Адонисъ,
 Оставивъ прахъ родителя судьбиннѣ,
 Не поклонился гордой гильотиннѣ:
 Онъ молча проклилъ вольность и народъ
 И Мирабо, и весь его причетъ,
 Логовъ, вяльзъ трость и сумочку, отъ скуки
 Привезъ въ Россію поспрять науки.

2.

И Саша мой любилъ его рассказъ
 Про сборища мятежныя, про шумный
 Напоръ страстей и про послѣдній часъ
 Вѣнчаннаго страдальца. Надъ безумной
 Парижскою толпою много разъ
 Носилося его воображенье:
 Тамъ слышалъ онъ святыхъ головъ паденье,
 Межъ тѣмъ, какъ нищихъ буйный миллионъ
 Кричалъ, смѣясь: «Да здравствуетъ законъ!»
 И, въ недостатѣ хлѣба или злата,
 Просилъ одной лишь крови у Марата.

3.

Тамъ видѣлъ онъ высокій эшафотъ:
 Прелестная на звучныя ступени
 Вскочила женщина... Слѣды заботъ
 Слѣды живыхъ, но тайныхъ угрызений
 Видѣлись на лицѣ ея. Народъ
 Рукоплескалъ... Вотъ кудри золотыя
 Посыпались на плечи молодца,
 И голова, носившая вѣнецъ,
 Склонилась на плаху... О Творецъ!
 Одумайтесь хоть разъ еще, злодѣи,
 Вагляните вы на вѣжность этой шен!...

*) Гувернера Саша, героя неоконченной поэмы. Здѣсь и въ послѣдующихъ стихотвореніяхъ мы означаемъ точками не вполне разобранные нами стихи.

4.

И кровь съ тѣхъ поръ рѣкою потекла,
 И загремѣла жадная сѣвира.
 И ты, поэтъ! высокаго чела
 Не уберечь! Твоя живая лира
 Напрасно по вселенной разнесла
 Все, все, что ты считалъ своей душою —
 Слова, мечты, съ надеждой и тоскою...
 Напрасно!... Ты прошелъ кровавый путь,
 Не отомстивъ, и творческую грудь
 Ни стихъ язвительный, ни смѣхъ холодный
 Не посѣтилъ — и ты погибъ бесплодно...

5.

И Франція упала за тобой
 Къ ногамъ убійцъ, бездушныхъ и холодныхъ;
 Никто не смѣлъ возвысить голосъ свой;
 Изъ мрака мыслей гибельныхъ и ложныхъ
 Никто не вышелъ съ твердою душой.
 Трехцвѣтная знамена величаво
 Изъ стана въ станъ неслись на пирь кровавый

 Межъ тѣмъ какъ въ тайнѣ взоръ Наполеона
 Въ нихъ зрѣлъ ступени будущаго трона...

II.

Когда надеждѣ недоступный,
 Не смѣя плакать и любить
 Пороки юности преступной
 Я мнилъ страданьемъ искупить;
 Когда бывое ежечасно
 Очамъ являлося мнѣ
 И все, что свято и прекрасно,
 Отозвалося мнѣ чужимъ —
 Тогда молитвой безразсудной
 Я долго небу докучалъ
 И вдругъ услышала голосъ чудный,
 «Чего-ты просишь?» онъ вѣшалъ.
 Ты, бѣдный, палъ, но я-ль виновенъ?
 Смири страстей своихъ порывъ,
 Будь какъ другіе хладнокровенъ,
 Будь какъ другіе терпѣливъ.
 Твое блаженство было ложно,
 Ужель мечты тебѣ такъ жалъ?
 Глупецъ! Гдѣ посохъ твой дорожный?
 Возьми его, пускайся вдаль.
 Пойдешь-ли ты черезъ пустыню

Иль городъ пышный и большой
 Не обожай ни чью святиню,
 Нигдѣ пріютъ себѣ не строй!..“

Далѣе набросано и перечеркнуто еще пять стиховъ.

III.

П о с в я щ е н ь е.

Опять явилось вдохновенье
 Душѣ безжизненной моей
 И превращаетъ въ пѣснопѣнье
 Тоску, развалину страстей:
 Такъ посреди чужихъ степей,
 Подругъ внимательныхъ не зная,
 Прекрасный путникъ, птичка рая,
 Блестя лазоревымъ крыломъ,
 Сидитъ на деревѣ сухомъ.
 Пускай шумитъ, бушуетъ вьюга —
 Она поетъ лишь объ одномъ:
 Она поетъ о солнцѣ юга!

И ты звѣзда любви моей,
 Товарищъ бурь моихъ суровыхъ,
 Послушай пѣсни прежнихъ дней —
 Давно ужъ нѣтъ у сердца новыхъ!
 Ни мрачныхъ думъ, ни думъ святыхъ
 Не измѣнила власть разлуки.
 Тобою полны счастья звуки,
 Меня узнаешь ты въ другихъ!..

Начало этого стихотворенія было напечатано въ видѣ эпиграфа къ „Измаиль-Бей“, а слѣдующее стихотвореніе въ печати появилось безъ окончанія.

IV.

Ч е л н о к ъ.

По произволу дивной власти
 Я выкинуть изъ царства страсти,
 Какъ послѣ бури на песокъ
 Волной расшибанный челнокъ.
 Пускай приливъ его ласкаетъ,
 Въ обманъ не вдастся инвалидъ —
 Свое безсиліе онъ знаетъ
 И притворяется, что спитъ;
 Никто ему не вѣрить боѣ
 Себя иль ноши дорогой —
 Онъ не годится и на волѣ!
 Погибъ! — и дажь ему покой!..

V.

Что толку жить!... Безъ приключеній
 И съ приключеньями — тоска
 Вездѣ, какъ безпокойный геній,
 Какъ вѣрная жена, близка!
 Прекрасно съ шумной быть толпою,
 Сидѣть за каменной стѣною,
 Любовь и ненависть сознать,
 Чтобъ разъ объ этомъ поболтать,
 Невольно указать повсюду —
 Подъ гордой важностью лица
 Въ мужчинѣ глупаго льстеца
 И въ каждой женщинѣ — Іуду.
 А потрудитесь разсмотрѣть —
 Все веселѣе умереть.

Конецъ! Какъ звучно это слово,
 Какъ много — мало мыслей въ немъ;
 Послѣдній стонъ — и все готово,
 Безъ дальнихъ справокъ. А потомъ?
 Потомъ васъ чинно въ гробъ положуть
 И черви вашъ скелетъ обгложутъ,
 А тамъ наслѣдникъ въ добрый часъ
 Придавитъ монументомъ васъ,
 Проститъ вамъ каждую обиду
 По добротѣ души своей,
 Для пользы вашей — и церковей
 Отслужить, вѣрно, панихиду,
 Которой, я боюсь сказать,
 Не суждено вамъ услышать.

И если вы скончались въ вѣрѣ,
 Какъ христіанинъ, то гранить
 На сорокъ лѣтъ, по крайней мѣрѣ,
 Название ваше сохранить.
 Когда-жъ стѣснитесь ужъ кладбище,
 То ваше узкое жилище
 Разроютъ смѣлою рукой
 И гробъ поставятъ къ вамъ другой.
 И молча ляжетъ съ вами рядомъ
 Дѣвица нѣжная! Одна,
 Мила, покорна, хоть блѣдна...
 Но ни дыханіемъ, ни взглядомъ
 Не возмутится вашъ покой —
 Что за блаженство, Боже мой!

IV.

П и с ь м о.

Свѣча горитъ! дрожащею рукою
 Я окончалъ завѣтныя черты,
 Болѣзнь и парка мчались надо мною,
 И много въ грудь тѣснилося. И ты
 Напрасно чашу мнѣ несла здоровья,
 (Такъ чудилось) съ веселіемъ въ глазахъ,
 Напрасно стала здѣсь у изголовья,
 И поцалуй любви горѣлъ въ устахъ...
 Прости на вѣкъ! Но вотъ одно желанье:
 Приди ко мнѣ, приди въ послѣдній разъ,
 Чтобъ усладить предсмертное страданье,
 Чтобъ потушить огонь сомкнутыхъ глазъ,
 Чтобъ сжать мою хладѣющую руку...
 Далеко ты! Не слышишь голосъ мой!
 Не при тебѣ узнаю смерти муку!
 Не при тебѣ оставлю міръ земной!
 Когда-жъ письмо въ очахъ твоихъ печальныхъ.
 Откроется.... прочтешь его.... тогда
 Быть можетъ я, при пѣсняхъ погребальныхъ,
 Сойду въ мой домъ подземный навсегда!.....
 Но ты не плачь, мы ближе другъ отъ друга,
 Мой духъ всегда готовъ къ тебѣ летать,
 Или, въ часы безпечнаго досуга,
 Сокрыто, прелести твои лобзать.
 Настанетъ ночь, приѣдешь изъ собранья
 И въ ложу тайному придешь одна;
 Посмотришь въ зеркало, и паръ дыханья
 Почувствуешь, и не увидишь сна,
 И пыхнетъ огонь на дѣвственныхъ ланитахъ,
 Къ груди молодой прильнетъ безвѣстный духъ,
 И надъ главою мелькнетъ призракъ забытый,
 И звукъ влетитъ въ твой удивленный слухъ.
 Узнай въ тотъ мигъ, что это я изъ гроба
 На мрачное свиданье прилетѣлъ:
 Такъ! душная земли нѣмой утроба
 Не всѣхъ тѣней презрительный удѣлъ!
 Когда-жъ въ саняхъ, въ блистательномъ катаньи,
 Проѣдешь ты на парѣ вороныхъ;
 И за тобой въ любви живомъ страданьи
 Стоитъ гусаръ безмолвенъ, мраченъ, тихъ;
 И по груди обоихъ васъ промчится
 Невольный хладъ, и сердце закипитъ,
 И ты вздохнешь, гусара взоръ затмится,
 Онъ черный усь рукою закрутитъ;
 Услышишь звукъ военного металла,
 Увидишь блѣдный цвѣтъ его чела:

То тѣнь моя безумная предстала
 И мертвый взоръ на путь вашъ навела!...
 Ахъ! много, много я сказать желаю;
 Но медленно слабѣетъ жизни духъ.
 И чувствую, что къ смерти подступаю.
 И падаетъ перо изъ слабыхъ рукъ....
 Прости!... Я бѣгалъ за лучами славы,
 Несчастливо, но пламенно любилъ,
 Все измѣнило мнѣ, вездѣ отравы,
 Лишь лиры звукъ мнѣ неизмѣненъ былъ!...*)

1829.

V.

Эпиграмма.

Поэтомъ, хоть и это бремя,
 Изъ журналиста быть тебѣ не суждено —
 Ругать, и льстить, и лгать въ одно и то же время,
 Признаться — очень мудроно!

VI.

Къ другу.

(Отрывокъ).

Стремится медленно толпа людей,
 До гроба самаго отъ самой колбелы,
 Игралищемъ и рока и страстей,
 Къ одной, святой, неизъяснимой цѣли.
 И я къ высокому, въ порывѣ думъ нѣмыхъ,
 И я душой летѣлъ во дни былые;
 Но мнѣ милѣй страданія земныя:
 Я къ нимъ привыкъ и не оставлю ихъ.

VII.

1.

Склонись ко мнѣ, красавецъ молодой!
 Какъ ты стыдливъ! Ужели въ первый разъ
 Грудь женскую ласкаешь ты рукой?
 Въ моихъ объятяхъ вотъ ужъ цѣлый часъ
 Лежишь — и страха все не превозмогъ...
 Не лучше ли у сердца, чѣмъ у ногъ?
 Дай мнѣ одну минуту въ жизнь свою...
 Что злато? — Я тебя люблю! люблю!

2.

Ты такъ хорошъ! Бывало жду, когда
 Настанетъ вечеръ; сяду у окна...

*) Сравни въ изданіи соч. Державина 1862 г., т. I, стр. 24, восьмистишіе,
 составленное г. Дудышкинымъ. П. Е.

И мимо ты идешь, бывало... Да,
Ты помнишь? Серебристая луна,
Какъ ангелъ средь отверженныхъ, межъ тучъ
Блуждала, на тебя кидая лучъ,
И я гордилась тѣмъ, что наконецъ
Соперница моя — небесъ жилаецъ.

3.

Печать презрѣнья на моемъ челѣ...
Но справедливъ-ли міра приговоръ?
Что добродѣтель, если на землѣ
Проступокъ не безчестье — но позоръ?
Повѣрь, невинныхъ женщинъ вовсе нѣтъ,
Лишь по желанью случай и предметъ
Не вѣчно тутъ. Любить не ставить въ грѣхъ
Та одного, та многихъ, эта всѣхъ!

4.

Родителей не знала я своихъ;
Воспитана старухою чужой,
Не знала я веселья дѣтъ младыхъ
И даже не гордилась красотой;
Въ пятнадцать лѣтъ, по волѣ злой судьбы
Я продана мужчинѣ... Ни мольбы,
Ни слезы не могли спасти меня.
Съ тѣхъ поръ я гибну, гибну — день отъ дня!

5.

Мнѣ милъ мой стыдъ! Онъ право мнѣ даетъ
Тебя лобзать, тебя на мигъ одинъ
Отторгнуть отъ мучительныхъ заботъ!
О, наслаждайся! Ты мой господинъ!
Хотя тебѣ случится, можетъ быть,
Меня въ своихъ объятыхъ задушить —
Блаженствомъ смерть мнѣ будетъ отъ тебя...
Мой другъ, чего не вынесешь, любя!... *)
(1830).

VIII.

(Отрывокъ).

Она была прекрасна, какъ мечтанье
Ребенка подь свѣтломъ южныхъ странъ.
Что красота? Ужель одно названье?
Иль грудь высокая и гибкій станъ,
Или большія очи? Но порою
Все это не зовемъ мы красотою:
Уста безъ словъ никто любить не могъ,
Взоръ безъ огня — безъ запаха цвѣтовъ!

*) Ср. изданіе соч. Лермонтова 1862 г., т. I, стр. 82, гдѣ напечатана смѣсь въ
нѣтъ этого стихотворенія.

Она была нѣжна, какъ розы Леля,
 Она была похожа на портретъ
 Мадоны — и Мадоны Рафаэля,
 И врядъ ли было ей осьмнадцать лѣтъ.
 Лишь святости черты не выражали:
 Глаза огнемъ неистовымъ пылали
 И грудь, волнуясь, поцалуй звала....

ПИСЬМА ЛЕРМОНТОВА.

I.

Къ теткѣ.

(1827—182?).

Милая тетинька! Наконецъ, настало то время, которое вы столь ожидаете, но ежели я къ вамъ мало напишу, то это будетъ не отъ моей лѣности, но отъ того, что у меня не будетъ время. Я думаю, что вамъ пріятно будетъ узнать, что я въ русской грамматикѣ учу синтаксисъ, и что мнѣ дадутъ сочинять; я къ вамъ это пишу не для похвалы, но собственно отъ того, что вамъ это будетъ пріятно. Въ географіи я учу математическую по небесному глобусу, градусы, планеты, ходъ ихъ и проч. Прежнее ученіе исторіи мнѣ очень помогло. Заставьте пожалуста Екима рисовать контуры, мой учитель говоритъ, что я еще буду ихъ рисовать съ полгода; но я лучше сталъ рисовать; однакожъ мнѣ запрещено рисовать свое. Катюшѣ въ знакъ благодарности за подвязку посылаю ей бисерный ящикъ моей работы. Я еще ни въ какихъ садахъ не бывалъ, но я былъ въ театрѣ, гдѣ я видѣлъ оперу Невидимку, ту самую, что я видѣлъ въ Москвѣ 8 лѣтъ назадъ; мы сами дѣлаемъ театръ, который довольно хорошо выходитъ и будутъ восковыя фигуры играть (сдѣлайте милость пришлите мои воски); я нарочно замѣчаю, чтобы вы въ хлопотахъ не были, я думаю что эта пунктуальность не мѣшаетъ; я бы приписалъ къ брату; онъ здѣсь, но я имъ напишу особливо; Катюшу же цалую и благодарю за подвязку.

Прощайте милая тетинька, цалую ваши ручки; и остаюсь вашъ покорный племянникъ М. Лермонтовъ.

II.

Милая тетинька! Зная вашу любовь ко мнѣ, я не могу медлить, чтобы обрадовать васъ; экзаменъ кончился и вакаціи начались до 8-го января; слѣдственно они будутъ продолжаться 3 недѣли. Испытаніе наше продолжалось отъ 13-го до 20 числа. Я вамъ посылаю балы, гдѣ вы увидите, что г. Дубенской поставилъ 4 рус. и 3 лат.;

но онъ продолжалъ мнѣ ставить 3 и 2 до самаго экзамена, вдругъ какъ-то сжалился и наканунѣ переправилъ, что произвело меня вторымъ ученикомъ.

Папинька сюда пріѣхалъ и вотъ уже 2 картины извлечены изъ моего portefeuille; слава Богу, что такими любезными мнѣ руками!...

Скоро я начну рисовать съ (buste) бюстовъ... Какое удовольствіе!.. къ тому-жъ Александръ Степановичъ мнѣ показываетъ также, какъ должно рисовать пейзажи.

Я продолжалъ подавать сочиненія мои Дубенскому, а Геркулеса и Прометея взялъ инспекторъ, который хочетъ издавать журналъ Калліопу (подражая мнѣ!) (?) гдѣ будутъ помѣщаться сочиненія воспитанниковъ.

Каково вамъ покажется. Павловъ мнѣ подражаетъ, перенимаетъ у... меня!.. стало быть.... стало быть... но выводите заключенія какія вамъ угодно.

Бабушка была немного нездорова зубами, однакожъ теперь гораздо лучше, а я,—o! je me porte comme a l'ordinaire.... bien!

Прощайте, милая тетинька, желаю чтобы вы были внутренно покойны, слѣд. здоровы, ибо: les douleurs du corps proviennent des maux de l'âme!

Остаюсь вашъ покорный племянникъ М. Лермонтовъ.

Я прилагаю вамъ, милая тетинька, стихи, кои прошу помѣстить къ себѣ въ альбомъ, а картинку я еще не нарисовалъ. На ваканцію надѣюсь исполнить свое обѣщаніе; вотъ стихи:

П о э т ъ.

Когда Рафаэль вдохновенный
Пречистой дѣвы ликъ священный
Живою кистью окончалъ:
Своимъ искусствомъ восхищенный
Онъ предъ картиною упалъ!
Но скоро сей порывъ чудесный
Слабѣлъ въ груди его молодой,
И утомленный и нѣмой
Онъ забывалъ подъ небесной.

Таковъ поэтъ: чуть мысль блеснетъ,
Какъ онъ перомъ своимъ прольетъ
Всю душу; звукомъ громкой лиры
Чаруетъ свѣтъ, и въ тишинѣ
Поётъ, забывшись въ райскомъ свѣѣ,
Вась, вась, души его кумиры!

И вдругъ хладѣтъ жаръ лавить,
Его сердечныя волненья
Все тише, и призракъ бѣжить!
Но долго, долго умъ хранить
Первоначальныя впечатлѣнья.

М. Л.

Р. S. Не знаю, что дядинька въ Оналихѣ, я не писалъ къ нему, но прошу извиненія, и свидѣтельствую ему мое почтеніе.

III.

Къ великому князю Михаилу Павловичу.

(1840).

Ваше императорское высочество! Выписанный по приговору военного суда тѣмъ же чиномъ въ армію, неся гнѣвъ Государя Императора и Вашъ, я съ благоговѣніемъ покоряюсь судьбѣ моей, цѣня въ полной мѣрѣ вину мою и справедливость заслуженнаго наказанія. Я былъ ободренъ до сихъ поръ надеждой имѣть возможность усердною и ревностною службой загладить мой проступокъ. Но получивъ приказаніе явиться къ господину генералъ-адъютанту графу Бенкендорфу, я изъ словъ его сіятельства увидѣлъ, къ неописанной моей горести, что на мнѣ лежитъ не одно обвиненіе за дуэль съ господиномъ Барантомъ и за приглашеніе его на гауптвахту, но еще самое тяжкое, какому можетъ подвергнуться человѣкъ дорожащій своею честью, офицеръ имѣвшій счастье служить подъ высокимъ начальствомъ вашего императорскаго высочества. Графъ Бенкендорфъ изволилъ предложить мнѣ написать письмо къ господину Баранту, въ которомъ бы я просилъ у него извиненія въ ложномъ моемъ показаніи на счетъ моего выстрѣла.

Ваше императорское высочество! хотя не имѣю болѣе счастья служить подъ командой вашею, но нынѣ осмѣливаюсь прибѣгнуть къ высокой вашей защитѣ. Великодушное сердце ваше позволитъ мнѣ сказать вамъ со всею откровенностію: могла быть ошибка или недоразумѣніе въ словахъ моихъ или моего секунданта, — личнаго объясненія у меня при судѣ съ господиномъ Барантомъ не было, — но никогда я не унижался до обмана и лжи.

Вашему императорскому высочеству осмѣливаюсь повторить сказанное мною въ судѣ: я не имѣлъ намѣренія стрѣлять въ господина Баранта, не мѣтилъ въ него, выстрѣлилъ въ сторону, и это готовъ подтвердить честью моею. Въ доказательство намѣренія моего не стрѣлять въ господина Баранта служить то, что когда секунданта мой Столыпинъ подалъ мнѣ пистолетъ, я ему сказалъ по-французски: *je tirerai en l'air.*

Чувствуя въ полной мѣрѣ дерзновеніе мое, я однако осмѣливаюсь надѣяться, что ваше императорское высочество соблаговолите взойти въ мое трудное положеніе и защитить меня отъ незаслуженнаго обвиненія.

Съ благоговѣнною преданностію имѣю счастье пребывать вашего императорскаго высочества всепредданнѣйшій

Михаиль Лермонтовъ,
Тенгинскаго полка поручикъ.

Сообщ. П. А. Ефремовъ.

Къ читателямъ „Русской Старины“.

„Казначейша“ (1836 г.), одна изъ лучшихъ поэмъ М. Ю. Лермонтова, полная веселости и остроумія, до сихъ поръ печатается въ собраніяхъ его сочиненій съ многочисленными пропусками; они являютя не ради того, чтобы издатели конфузались цензуры, но просто потому, что, несмотря на всѣ розыски,— въ ихъ распоряженіе до сихъ поръ не попадались болѣе полные списки противу того, что было напечатано изъ „Казначейши“ при жизни автора.

Въ виду этого редакція „Русской Старины“ убѣдительно проситъ всѣхъ своихъ многочисленныхъ читателей и вообще любителей русской литературы доставить, буде у кого изъ нихъ окажется, списокъ „Казначейши“ Лермонтова. Списки будутъ сличены съ печатнымъ текстомъ и одно изъ лучшихъ произведеній музы Лермонтова явится наконецъ безъ пропусковъ.

Ред.

НАСИЛЬНЫЙ БРАКЪ.

Рыцарская баллада

Н. В. Бергъ въ воспоминаніяхъ о Гоголѣ, напечатанныхъ въ „Русской Старинѣ“ (1872 г., т. V, стр. 122), упоминаетъ о „Баронѣ“, стихотвореніи гр. Е. П. Ростопчиной († 1858). Стихотвореніе, явившійся въ 1846 году въ „Сѣверной Пчелѣ“ (№ 284, декабря 17), возбудило маленькую исторію: въ немъ нашли нападеніе рѣзкое и, разумѣется, какъ оно и было, несправедливое, на отношенія Россіи къ Польшѣ; первая являлась въ видѣ барона, вторая — въ видѣ страдалицы его жены.— Нумеръ „Пчелы“ съ этою балладою, какъ рассказываютъ, былъ отбираемъ, (онъ есть у насъ), а „баллада“ пошла ходить по Россіи, въ качествѣ запретнаго плода, въ многочисленныхъ спискахъ; она тогда же вызвала, весьма топорной отдѣлки, отвѣтъ — чуть ли ни Н. В. Кукольника, — который тоже ходилъ по рынкамъ